

Время неспешно подошло к полуночи, и в тихом коридоре снова раздалась знакомая детская песенка.

Плету, плету, плету корзинку, плету корзинку, несу на южную гору, а на южной горе цветут алые пионы...

Цяо Юй сонно приоткрыл глаза. Возможно, потому что он уже слышал эту жуткую песенку однажды в подвале, она не разбудила его мгновенно, а он даже промычал пару строк вслед за ней и снова закрыл глаза, погружаясь в глубокий сон.

Плету, плету, плету венок, плету венок, несу на запад в небеса, а в небесах на западе цветут белые пионы...

Услышав у самого уха эту скорбную и жуткую песенку, Людоед-крокодил всхлипнул и, точно страус, зарывающий голову в песок, поспешно зажал уши руками.

В тёмной комнате диван из человеческой кожи тихо лежал на полу, сочась тёмно-красными потёками крови, издававшими густой смрад.

А Людоед-крокодил, весь съёжившись под одеялом, ничего этого не видел: вентилятор над головой продолжал гудеть, разгоняя резкий запах в воздухе, а диван из человеческой кожи, будто ожив, пару раз с недовольством прошёлся по полу.

Щуплый парень, зажавший уши, ничего этого не услышал, и вскоре в комнате снова воцарилась тишина.

Улун жил в 4002, и, кроме некоторого холода в комнате, ничего странного с ним не происходило.

Но Улун, будучи человеком, пережившим уже четыре сценария, знал, что пассивно прятаться — значит разве что отсрочить свою смерть на пару дней, а не более того, поэтому он не стал ложиться спать, а весь напряжённый прижался к холодной бронированной двери, наблюдая через глазок за тёмным коридором. В руке он при этом сжимал нефритовую статуэтку Гуаньинь, источавшую мягкое сияние.

Внезапно ровное дыхание Улуна сбилось, а по затылку тут же пробежал холодный пот.

Оказалось, что тёмный коридор неизвестно когда успел заполниться «людьми». Он невольно втянул воздух сквозь зубы, и этот испуганный вздох прозвучал в тишине дома особенно резко.

Плохо дело!

У Улуна ёкнуло сердце, и когда он снова поднял взгляд, покачивающиеся в коридоре силуэты вдруг замерли, а затем все как один разом повернули головы, уставившись прямо на его комнату — 4002.

Что делать?

Он сглотнул и, не раздумывая ни секунды, прижал к дверному глазку нефритовую Гуаньинь.

Почти мгновенно с другой стороны глазка к нему прижались онемевшие, жуткие чёрные зрачки, а в следующий миг тьму прорезал пронзительный визг, и все силуэты за дверью, точно отступающий прилив, схлынули прочь от 4002.

Прошло довольно много времени, прежде чем Улун решился снова повесить нефритовую Гуаньинь на шею, закрыл глазок и молча вернулся в кровать, больше не смея и на миг выглянуть за дверь.

Эта ночь прошла и спокойно, и тревожно одновременно.

Лишь когда стрелка часов медленно поползла до цифры семь, ведущие, с трудом пережившие эту ночь в доме, наконец позволили себе расслабиться и провалиться в сон.

В противоположность им Цяо Юй, повинаясь биоритму, унаследованному ещё от прошлой жизни, открыл глаза ровно в семь утра.

Солнечный свет пробивался сквозь тонкое стекло окна, разливая тепло по всей кровати, но не мог согреть неестественно бледные руки юноши — с тонкими, изящными суставами пальцев, на ощупь при этом мягких.

Телефон, всю ночь проигрывавший запись «Путешествия на Запад», разрядился всего на одно деление. Цяо Юй со спокойной душой выключил свою старенькую «звонилку» и с удовольствием потянулся.

Поднявшись, он открыл окно и глубоко вдохнул.

Хех, всё-таки хорошо чувствовать себя живым~

Насладившись этим моментом, Цяо Юй потрогал урчащий от голода живот и решил выйти на поиски еды. Одевшись, он машинально выдернул салфетку из коробки на тумбочке и выбросил её за окно.

В следующий миг салфетку, будто разрезанную бесчисленными белыми нитями, мгновенно превратило в мелкую труху.

Цяо Юй: «...»

Ладно, пойду-ка я на первый этаж, куплю пачку лапши быстрого приготовления да заварю.

Цяо Юй поспешно закрыл окно, и настроение у него тоже испортилось.

В этот момент снаружи снова раздался крик Ли Сяоцинь. Услышав его, Цяо Юй открыл дверь и, к своему удивлению, увидел вовсе не сцену избиения Ли Сяоцинь.

Напротив, Ли Сяоцинь была одета в своё любимое красное платье, а на лице виднелся лёгкий макияж, отчего её черты казались ещё изящнее.

По полу коридора были разбросаны свежие овощи, а сама Ли Сяоцинь выглядела перепуганной, если не сказать в ужасе.

«Чего орёшь с утра пораньше? Жить надоело?»

Муж Ли Сяоцинь стоял у двери 4004, на его усталом лице читалось лёгкое раздражение.

«Чего застыла? Так поздно вернулась, решила меня голодом заморить? Даю тебе полчаса приготовить еду, а не то приблю!»

Дверь с грохотом захлопнулась, но Ли Сяоцинь так и осталась стоять на месте, не двигаясь.

Цяо Юй не мог точно определить, какое сейчас выражение было на лице Ли Сяоцинъ — оно было сложным, на грани срыва.

«Ты столько овощей купила, неужели столько съешь?» — Цяо Юй протиснулся в дверную щель и смущённо усмехнулся.

Ли Сяоцинъ медленно повернула голову, и глаза у неё тут же покраснели.

Цяо Юй больше всего на свете боялся женских слёз и тут же отступил на шаг, вжавшись спиной в дверь, торопливо оправдываясь: «Это... я не в этом смысле, может, продашь мне немного? Мне лень выходить за продуктами. Конечно, если у вас самих не хватает, забудь, что я спрашивал».

Услышав это, Ли Сяоцинъ отвела взгляд и потёрла лицо рукой — аккуратный макияж от этого размазался, и вытекшая помада протянулась по нежной щеке, точно кровавая полоса, безжалостно разрушив весь её образ хрупкой южной красавицы.

«Да ладно, забудь, что я вообще...»

«Бери что хочешь, только оставь мне пару овощей, денег не надо», — медленно проговорила Ли Сяоцинъ хриплым, дрожащим от слёз голосом.

Цяо Юй постоял немного в раздумье, но желание не есть лапшу быстрого приготовления в итоге пересилило всё остальное. Он присел, поднял с пола помидор и два яйца, заодно помог Ли Сяоцинъ собрать рассыпавшиеся по полу овощи и фрукты.

«Спасибо. В следующий раз, если сам буду покупать продукты, тоже с тобой поделюсь».

Цяо Юй говорил это совершенно искренне, вот только при одном условии: если ему вообще удастся целым и невредимым выйти за порог этого дома.

«Не за что». Ли Сяоцинъ взяла пакет с овощами и скрылась за дверью.

Цяо Юй пожал плечами и спустился вниз.

Ничего не поделаешь, сначала нужно было вернуть открывашку домовладельцу.

«И это ещё человек? Вчера воровал, сегодня грабит соседку, вот же беспредельщик».

«Ли Сяоцинъ и так уже настрадалась, а ты ещё и отбираешь у неё купленные овощи!»

«Точно, это уже перебор!!!»

Комментарии остальных ведущих были полны мрачных, жутковатых проклятий, но стоило дело дойти до Цяо Юя, как весь стиль комментариев резко менялся: зрители дружно превращались в занудных придир, выискивающих недостатки на ровном месте.

Дело в том, что мышление у Цяо Юя было устроено иначе: обычными словесными угрозами его напугать было невозможно, зато личные нападки действовали куда эффективнее — по крайней мере, самого Цяо Юя они точно приводили в бешенство.

Ну да, точно! Просто зрителям не нравилось, что Цяо Юй так спокойно проходит сценарий. Можно подумать, это его собственный сад позади дома? Для кого он тут разгуливает так вальяжно?

«Я не грабил, это Ли Сяоцин сама мне отдала. И я же сказал, в следующий раз тоже с ней поделюсь, когда сам буду покупать продукты».

«Кто тут вообще что-то украл? Я вообще-то шёл возвращать открывашку домовладельцу!»

«Ну и как это назвать? Строгий к другим, снисходительный к себе, что ли? Это вы сами тут перебарщиваете!»

.....

<http://bllate.org/book/20789/2089915>